

Славяноведение, 2023, № 3, с. 104–116

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 104–116

DOI: 10.31857/S0869544X0025879-9

Оригинальная статья / Original Article

Русская тема в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича (1791)

© 2023 г. Е. Маричевич Балач

Университет в Нови-Саде
(Нови Сад, Сербия)

jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

Исследование выполнено в ходе работы по проекту, финансируемому
Министерством просвещения, науки и технологического развития
Республики Сербия «Аспекты идентичности и их формирование
в сербской литературе» (178005).

Аннотация. Исследование русской темы в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» («*Boj zmaja s orlovi*») Йована Раича в статье проводится параллельно с анализом языковых особенностей и интертекстуальных связей данной поэмы с произведениями русской литературы. Автор рассматривает эпическую поэму в сравнительной перспективе и проводит сопоставительный анализ со «Словом о полку Игореве» и «Османом» Джива Гундулича. Аналитический подход применен в изучении геральдических символов, а также мифологических и сказочных образов. Отмечено, что в изображении России в основном звучат хвалебные ноты, которые у Йована Раича изрекают античные боги; при этом пренебрежительное отношение в русском высказывает Мухаммед. Российская империя в эпической поэме представлена как в образах города (Херсон, Очаков, Хотин), так и в образах Екатерины II и ее храбрых генералов.

Ключевые слова: Россия, эпическая поэма, история, геральдика, миф, сказка, державность.

Ссылка для цитирования: Маричевич Балач Е. Русская тема в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича (1791) // Славяноведение. 2023. № 3. С. 104–116. DOI: 10.31857/S0869544X0025879-9

Russian Themes in Jovan Raić's Epic «*Boj Zmaa s Orlovi*» (1791)

© 2023. Jelena Marićević Balać

Faculty of Philosophy: Department of Serbian Studies
(Novi Sad, Serbia)

jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

The study was carried out as part of a project funded by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia «Aspects of Identity and Their Formation in Serbian Literature» (178005).

Abstract. Researching Russian themes in Jovan Raič's epic *Boj Zmaja sa Orlovi* is a continuation of up-to-date explorations of the language, versification, and intertextual relations of the poem with the texts of the Russian literature. We have approached the epic from a comparative perspective and analyzed it in parallel with *The Tale of Igor's Campaign* and *Osman* by Dživo Gundulić. We were analytically focused on the heraldic symbols, as well as on the mythical and fairy-tale imagination. The images of Russia vary from dominant ones – distinctively commendable, uttered by gods from the Antiquity and shaped by Jovan Raič, to derogatory ones, uttered by Muhammad. In the epic, the Russian Empire is materialized both through cities (Kherson, Ochakiv, Khotyn) and by stressing tsarina Catherine II and her courageous generals.

Keywords: Russia, epic, history, heraldry, myth, fairy tale, statehood.

Reference for citation: Marićević Balač Jelena. Russian Themes in Jovan Raič's Epic «Boj Zmaja sa Orlovi» (1791) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No 3. P. 104–116. DOI: 10.31857/S0869544X0025879-9

Русская тема занимает в сербской литературе столь существенное место, что ее по праву можно считать поэтической константой. Несмотря на то что эта тема не раз становилась предметом анализа в литературоведении, до сих пор систематизированные выводы не сделаны, отсутствуют также подробные исследования в компаративистском ключе. На сегодняшний день исследования, представленные в сборниках «Югославские страны и Россия в XVIII веке» (1986) («*Jugoslovenske zemlje i Rusija u XVIII veku*») (см. [25]) и «Русско-сербские литературные связи: XVIII – начала XIX века» (1989) (см. [7]) могут считаться самыми важными и объемными публикациями. Цель этой работы – еще раз обратиться к изучению образа России и русской темы в сербской литературе данного периода, чтобы синтезировать исследуемый материал и в конечном итоге создать более полное представление по этой проблематике.

Жизнь и творчество сербского архимандрита, поэта и историка Йована Раича (1726–1801) во многом определила учеба в Киевской духовной академии, где он слушал лекции русских проповедников, изучал теологию, риторику и поэтику, занимался переписыванием церковных произведений. Повлияли на него также пребывание в Москве и Смоленске, контакты с митрополитом Самуилом Миславским [3. С. 8–9] и переписывание «Образца отрицания» Феофана Прокоповича. Язык, на котором он писал, тяготеет к русскому и рускославянскому¹, а эмблемы² в его творчестве основаны на русских источниках «пикторальной поэтики» [24. С. 153–277].

¹ «В сложной проблематике нашего литературного языка XVIII века особенное место занимает многослойный язык произведений Йована Раича. Народный аспект языка Йована Раича подробно изучен проф. Александром Младеновичем, в то время как о русском и рускославянском языке его произведений сказано вскользь, что, определенно, не достаточно и не полно. Несколько полезных наблюдений принадлежит Борису Унбегауну, Александру Беличу, Никите Толстому, Павлу Ивичу, Александру Младеновичу, Владимиру Гудкову. [...] Ученые различают четыре языковых слоя: сербскославянский, рускославянский, русский литературный язык XVIII века и сербский народный язык с примесью элементов украинского языка» [23. С. 141].

² Эмблемы здесь понимаются в узком смысле, т.е. как символические изображения, снабженные кратким девизом и подробным дидактическим текстом, что характерно для культуры маньеризма и барокко.

Эпическая поэма «Битва между драконом и орлами» — «один из первых героических эпосов, написанных на сербском народном языке», но в нем ощутимо влияние «русского или, говоря шире, славянского исторического и аллегорического эпоса XVIII века» [14. С. 160]. Что касается художественных приемов, особенно реализации аллегории в произведениях Раича, то здесь необходимо подчеркнуть значение символики Габсбургской монархии и Российской империи [4. С. 60–96; 20. С. 155–160].

Мила Стойнич подробно исследовала славянскую предысторию в «Истории разных славянских народов» Йована Раича (*Istorija raznih slovenskih naroda*) и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина [21. С. 87–93]. В своей статье «Пересечения некоторых поэтик в поэзии Йована Раича» [22. С. 29–39], анализируя связи Раича с русской историей, литературой и культурой, она отмечает особенность славянских литератур, «которые относятся к византийскому культурному ареалу», но впоследствии встали на путь «оригинального и самобытного развития» [22. С. 31]. В этом контексте XVIII век является переломным, потому что сербская и русская литературы начинают вливаться в европейскую. Прежде всего, Стойнич выделила те части эпической поэмы «Битва между драконом и орлами», которые можно сравнить с текстами русской литературы. Так, она обнаружила сходство концепта времени в поэме и в произведениях «русских философов богоискателей и писателей символистов». Кроме того, по ее мнению, очевидна обращенность Раича к «средневековой традиции военной повести, которая... особенно в русской литературе, базируется на мотивах актуальных исторических событий (например, “Задонщина”, произведение XIV в., в котором повествуется о битве на Куликовом поле 1380 г., или цикл повестей о татаро-монгольском нашествии и о жизни под игом)» [22. С. 32]. Ссылаясь на книгу «Смех в Древней Руси» Д.С. Лихачева, она пришла к выводу, что методы «осмеяния и сатирического описания» Раича являются «типично средневековым» приемом [22. С. 33]. Стойнич полагает, что структура эпоса Раича «близка структуре русских былин. Подобно былинам, эпос обрамляется исходной и завершающей клаузулой (“зачалом” и “исходом”), между которыми находится содержание произведения» [22. С. 34]. Автор уделяет внимание и сходству в освещении войны между Россией и, с одной стороны, Австрией, а с другой – Турцией в оде «На войну с турками» (1769) Василия Петровича Петрова; отмечает она и близость в «сатирическом описании антигероя как площадного шута» у Державина и Раича [22. С. 35]. Когда Йован Раич пишет лирические стихи на темы жизни и смерти, за образец он берет творчество Феофана Прокоповича; также автор статьи их сравнивает со стихами «Хор ко гордости» А.П. Сумарокова и с одой «На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина [22. С. 36–38]. Обзор интертекстуальных связей между сербским эпосом и русской литературной традицией, представленный в указанной статье, намечает перспективу для расширения и дальнейшего осмысления темы сербско-русских культурных связей, т.е. обозначает ту исходную точку, отталкиваясь от которой, можно найти разные варианты прочтения и интерпретации текста.

В эпической поэме Раича, безусловно, выделяются и другие русские темы, мотивы или аспекты, и на этом основании было бы уместно провести их типологизацию. Некоторые историки литературы считают «Битву между драконом и орлами» первой эпической поэмой в сербской литературе [18. С. 109]. Также необходимо отметить, что Раич одним из первых начал писать на народном языке, «усваивая стих и эпическую манеру изложения» [11. С. 185], а это

немаловажно, если учитывать, что «эпос эпохи Барокко написан на русскославянском языке» [11. С. 179]. Если говорить об истории сербского эпоса, то в качестве предшественников Йована Раича можно назвать Андрия Змаевича, Ивана Крушали, Захарию Орфелина, Йована Чарноевича, Павла Ненадовича и Христофора Жефаровича [11. С. 180–186]. К примеру, изображение Мухаммеда как комического персонажа связано с серией «смешных персонажей южнославянского барокко», это персонажи Примовича в «Фьока» («*Фјока*»), Радонья у Шишко Менчетича, Дервиш у Стьепы Джурджевича и Марунка у Игњята Джурджевича. Добавлю, что современник Раича, хорватский поэт Йосо Крмпотич, написал эпическую поэму с той же тематикой, что и «Битва...» под названием «Екатерина II» («*Катарина II*») и «Иосиф II путь в Крым» (1788) («*Јосе II пут у Крим*») [11. С. 184]³.

В немалой степени на творчество Йована Раича повлияли его культурные и исторические связи с Дубровником. Академик Мирослав Пантич подчеркнул влияние «Королевства славян» (1601) («*Краљевство Словена*») Мавра Орбина на «Историю разных славянских народов, прежде всего болгар, хорватов и сербов» («*Историја разних славенских народа, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов*») Раича [12. С. 41–63]. Исследователи, однако, обошли вниманием проблему возможного влияния эпической поэмы «Осман» Джива Гундулича на осмысление русской темы в эпической поэме Раича.

В XVIII в. было заметно стремление напечатать «культовую книгу дубровницкой литературы XVIII в. — поэму Гундулича “Осман”». Самое популярное произведение дубровницкой литературы, которое еще со времен Гундулича писатели разных поколений изучали и цитировали, сохранено в двухстах копиях [...] францисканец Амброзий Маркович, работая в течение десяти лет над его подготовкой, напечатал эпическую поэму в 1826 г. в Дубровнике с дополнениями Пьерка Соркочевича» [1. С. 497–499].

Русскую тему в «Османи» в контексте «барочного славизма», «панславизма», т.е. «патриотической тенденции» [11. С. 329] и «христианского сопротивления магометанству» как «большой темы эпохи» акцентировала и систематизировала Злата Бойович [2. С. 358–364]. По ее мнению, это согласуется с «поэтикой эпического творчества, закрепленной в рассуждениях Бернардо Тассо» [2. С. 358]. Ее статья посвящена, с одной стороны, истории России и геотопонимии, а с другой стороны, анализу вымышленных персонажей, т.е. неисторической составляющей. Автор аналитически подходит к освещению борьбы между турками и казаками, эпической биографии королевича Владислава, претендента на шведский и московский престолы. Также автор обращается к анализу сражений между польским королем Зигизмундом I и князем Василием III Ивановичем, который в 1513 г. отвоевал у Польши Смоленск⁴. В эпической поэме Гундулича присутствуют многочисленные эпизоды, касающиеся и ранней истории русско-польских отношений, например, сражение между Болеславом Храбрым (X в.), Болеславом III Кривоустым (XII в.) и русскими [2. С. 361]. Из топонимов упоминаются Хвалынское (Каспийское) море, Черное море, «северные страны» и реки Днепр и Дон [2. С. 363], в поэме появляется образ вымышленного персонажа Василья, «церевића мошковског», и дается семейное древо султана Османа II (1604–1622), мать которого была «русского

³ Более подробный анализ эпических поэм Крмпотича в контексте «Битвы между драконом и орлами» дала Мирьяна Д. Стефанович [18. С. 112–113].

⁴ Важно иметь в виду, что Йован Раич посетил Смоленск. Джив Гундулич в «Османи» также упоминает этот русский город на берегу Днепра в контексте русско-польских войн.

царского происхождения», но ее похитил татарин и передал султану Ахмету I (1590–1617) [2. С. 363].

Уместно сравнить эпическую поэму Раича со «Словом о полку Игореве», старейшей русской эпической поэмой XII в. [19], особенно если учитывать, что борьба между русскими и половцами происходила на Днепре и Доне (именно там шли сражения, которые описывает Йован Раич⁵), а также специфические эмблематические уподобления русских соколам: «Уже соколам крыльца подсекли саблями поганых» [19. С. 63], а «по Русской земле простерлись половцы / точно выводок гепардов» [19. С. 64] или «волком побежал» [19. С. 72]. У Раича же турки-османы названы «курјацима»⁶ [18. С. 47]. В «Османе» весьма последовательно показывается связь турок с Драконом-змеем, а христиан, особенно поляков, — с орлом: «источнога разби Змаја, / летећ за њим у потјеру / сиви Оро до Дунаја» [5. С. 63]; «Паче Змај се овијем путем / у Орлово гнијездо умјести»⁷ [5. С. 79]. У Гундулича соколы, несмотря на амбивалентное значение образа, чаще всего служат знаками османов, ср. героиню Соколицу, дочь монгольского хана и любимицу Османа, а также описание борьбы с орлами: «Соко вије брже од стријеле / врх свијех птица перја охоло, / али лети више веле / оро сиви врх сокола»⁸ [5. С. 98].

Создается впечатление, что в поэме «Битва между драконом и орлами» Йован Раич сублимирует все эмблематические и аллегорические представления, характерные для русского и дубровицкого эпосов. Дракон — это метонимия, связанная с Мухаммедом [4. С. 375], в то время как орлы являются геральдическим образом таких христианских земель, как Россия, Сербия и Австрия: «аллегорический образ орла, прежде всего, относится к этому мотиву в изображении христианских царств в геральдике. Сначала в эпическую поэму вводится мотив орла “руска двојеглавна”, а затем и мотив орла, указывающего на австрийское царство» [4. С. 385]. Сербь представлены не только геральдическим орлом, но и в образе соколов: «автор не оспаривает их значение в битве, потому что, если говорить о храбрости и умении вести войну, они равны орлам, царям птиц» [4. С. 386]. Таким образом, и в поэме Раича, и в «Слове о полку Игореве» образ сокола ассоциируется с мужеством как сербов, так русских.

Двуглавый орел, изображаемый на гербах, щитах, флагах служил символом победы [8. С. 205], а в литературе — символом властителя и правды, особенно в период формирования нации в конце XVIII в. [8. С. 206]. Если учесть, что этот символ относится к византийской геральдике и унаследован от Римской империи [8. С. 206], — то выбор Раича оказывается глубоко продуманным. Орлы, обозначавшие могущество христианского мира, как православного, так и католического⁹, должны были обеспечить победу и освобождение от турок, а это *per se* было бы торжеством справедливости и привело бы к закреплению идеи державности, если говорить о сербском народе, в истории которого только назревали восстания. По этой причине, может быть, в эпической поэме не

⁵ «Дарданеле начини / и све клуче узе / Дона, Дњепра и Дњестра; / Муји даде сузе» [18. С. 35] («Дарданеллы были покорены / и все ключи взяты / Дона, Днепра и Днестра; / Муйе слезы принесли»).

⁶ Устаревшее сербское «волками».

⁷ «Восточного поразил Змея, / за ним устремившись, / серый Орел с Дуная»; «Однако Змей этой дорогой / в гнездо Орла прилетел».

⁸ «Сокол летит быстрее стрелы, / возвышаются над всеми птицами перья гордые, / но лететь вверх ему велят / орел синий над соколом».

⁹ Орел, как принято считать, обладает способностью смотреть на солнце с широко раскрытыми глазами. Верят также, что он представляет душу умершего, которая идет к Богу, возносится к Христу и символизирует Иоанна Предтечу [8. С. 205].

нашлось места для песни, посвященной трем орлам. Если на этот факт смотреть сквозь призму поэтической мысли древнерусской школы, можно прийти к заключению, что Раич писал эпическую поэму не в соответствии с «Поэтикой и риторикой», а с оглядкой на наставников «Старой Академии» [7. С. 60]. Хотя Россия, Сербия и Австрия были союзниками в войне с Турцией, здесь трудно обнаружить становление панславизма, что заметно у Гундулича. Кроме того, сербам все еще предстояла борьба за державность.

Орел как «царь птиц» объединяет в себе категории *Deus* и *lus* [8. С. 206], посему и в понимании сербов, представленных в образе орлов, державность должна осуществиться посредством сублимации божественного и светового аспектов, — так, как это понималось в Византии. Йован Раич украсил этот путь эстетической «вариацией античного мотива “сражения между орлом и драконом”, упоминаемого Аристотелем и Цицероном, Гомером в “Илиаде”, Эсхилом в “Коефоре”, Вергилием в “Энеиде” и Овидием в “Метаморфозах”; примеры можно обнаружить и в Священном писании, в проповедях Святого Амброзия и трудах по алхимии» [4. С. 371–372]. В христианском понимании победа орла над змеей символизирует победу Христа над злом. В древности люди верили, что в начале времен боги свергли первобытного мифологического Дракона или змея, и тем самым побороли Хаос, — и мир стал Космосом [6. С. 95]. Природные и политические силы хаоса объединены в сказочно-мифологическом чудище или драконе [9. С. 160]. В случае слияния этих аспектов можно сделать вывод, что Господь Иисус Христос, побеждая змею, восстанавливает порядок, обновляет мир и в этом контексте обновляет сербскую державность. Поэтому орлы, представляющие и солирный символ, обладают силой, которая им даст возможность побороть хтоническую змею или змея, подобно святому Георгию, которого по христианскому календарю чествуют с наступлением весны. В таком понимании свет является божественным, но одновременно он символизирует просветление/просвещение народа, — поэтому Екатерина II и Иосиф II воспринимались как просвещенные монархи и опора сербского народа.

В дискурсе отсылка к античным произведениям необходимо указать на поэму «Война мышей и лягушек» («Батрахомиамахия») Псевдо-Гомера, которая также могла оказать влияние на творческое воображение Йована Раича. Особенно следует выделить три места для сравнения. Прежде всего, «Война мышей и лягушек» и «Битва между драконом и орлами» принадлежат «пародийному дискурсу» [16. С. 36]. Если Раич создал аллгорию на мифологическую и христианскую картину сражения между орлами и драконом-змеем, Псевдо-Гомер воспользовался идеями басни Эзопа о мыши и лягушке: «Согласно этой версии, мышь хочет путешествовать и просит лягушку перенести ее через лужу; лягушка соглашается, однако она связывает лапку мыши со своей и начинает перемещаться с мышью по воде; мышь больше не хочет плыть, но она не в состоянии освободиться от лягушки, которая решила ее утопить; в этот момент появляется сокол, хватает мышь, а вместе с ней и лягушку. Нравоучение басни адресовано тем, кто затевает преступление и в результате сам становится жертвой» [16. С. 37]. В отличие от басни, в которой сокол схватил мышь и лягушку, в поэме главный виновник — змея: «Змија водена ту се / створи наједном, призор страшни за обоје»¹⁰ [16. С. 10]. Этим подчеркивается, что сражение между жабой-лягушкой и мышью отражает соотношение хтонического (змея)

¹⁰ «Змей водяной здесь / возник ниоткуда, страшная картина для обоих».

и небесного (сокола) и конечную победу будет предрешать воля богов: «Олимп не остаје по страни»¹¹ [16. С. 37].

Однако в эпической поэме Йована Раича античные боги не вмешиваются в борьбу между змеем и орлами. Нептун, Плутон, Юпитер, Вулкан, Минерва, Меркурий, Эол отказывают Мухаммеду в помощи. Кульминация эпической поэмы приходится на пятую песню, в которой Мухаммед встречается с нимфой Эхо, убеждающей его, что он один виновен в своем несчастье, потому что является зачинателем войны [4. С. 371]. Следовательно, как и в басне, которая стала образцом для Псевдо-Гомера, тот, кто пытается навредить другому, сам становится жертвой: «Ја сам досад бич био / и страх свима давао. / Јехо њему говори: / Ал' сад теби јао! / Ја сам многим црн комад / метуо у торбу – / Јехо шушкав цвркуће: / Сад твоју утробу»¹² [18. С. 87].

Гундулич также часто находил вдохновение в античных эпосах Гомера и Вергилия [13. С. 283] и в «мифологии и многочисленных мифологических личностях. Мифология – это важнейшая пружина всех классических элементов, реализованных в “Османи”»: ее роль важна в поэтических рассуждениях Аристотеля и Горация, затем в произведениях самых значимых поэтов античного эпоса – Гомера и Вергилия – и, кроме всего прочего, особое значение имеет мифологическая надстройка всех событийных повествований, которые достоверно преподносит историография» [13. С. 286]. И поэт из Дубровника, и поэт из Сербии обратились к теме Трои: Гундулич размышляет о настоящем и прошлом Трои, которая господствовала на Востоке, но «од грчкога огня пала»¹³ [5. С. 128], а Раич в горящем Белграде видит Трою и Рим, охваченные пламенем: «Што Троја под Улисем, / што Рим под Нероном, / тако букти Белиград / сад под Лаудоном»¹⁴ [18. С. 59]. Падение Трои должно было означать смерть Османа и поражение Мухаммеда.

Йован Раич под влиянием «русской поэтической школы» [10. С. 47–48] написал эпическую поэму в польском тринадцатисложнике, осваивая его через Мануила Козачинского [11. С. 147]. Польский тринадцатисложник был «основным стихом русской поэзии эпохи барокко», «стих “Османа” Гундулича представляет барочный стих дубровицкой литературы, александрийский стих относится к эпохе французского барокко» [11. С. 145]. В научных исследованиях решение Раича использовать тринадцатисложник объясняется не только его тяготением к народной традиции, но и тем, что он учитывал типичную для Дубровника традицию сложения стихов, основоположником которой является именно Гундулич, писавший, как и Раич, «на актуальную тему» [18. С. 120].

Звучание стихов и динамичность рифмы способствовали усилению эмоционального накала у Гундулича в плачах Крунославы над телом Коревского и у Раича в сцене, когда Мухаммед впадает в отчаяние: «Он једнако дере се / и са себе чупа / и то мало перчина, / у главу се лупа»¹⁵ [18. С. 85]. Интересно, что плач Крунославы сопоставим с плачем Ярославны в «Слове о полку Игореве»: и там и там это образы женщин, которые оплакивают своих любимых, и там и там лирическая напряженность достигается за счет убедительной метафоризации солнца и света. Ярославна обращается к Солнцу как к божеству,

¹¹ «Олимп не стоит в стороне».

¹² «Ја до сих пор был бичом / и вселял всем страх. / Эхо ему говорит: / «Но теперь тебе ах! / Я многим черный кусок / положил в сумку». / Эхо шелестит: / «Теперь – твою утробу».

¹³ «От греческого огня пала».

¹⁴ «Что Троя под Улиссом, / что Рим под Нероном, / так горит Белиград / теперь под Лаудоном».

¹⁵ «Он в то же время кричит / и у себя вырывает / немного волос, / по голове себя бьет».

которое не проявило милосердия к войскам: «Светлое и трижды светлое солнце! / Всем ты тепло и прекрасно: / зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи / на воина моего лады?» [19. С. 71]. Гундулич же, в свою очередь, сравнивает Коревского с солнцем, без которого жизнь для Крунославы теряет смысл: «Гди си, о сунце мојијех дана, / вјерениче, гди си, мили? [...] ја без тебе није-сам жива, / ако у мркој с тобом тмини / срце и душа ма̄ прибива»¹⁶ [5. С. 119]. В противовес трагическим плачам в русском и дубровицком эпосах, у Раича плач окрашен юмористической и пародийной интонацией, в соответствии с чем меняется значение солнца и света. Орлы, кстати, не только солярные птицы, но и мудрые — они «обладают просвещенным умом» [4. С. 393], так что темнота, в которой оказался пораженный Мухаммед, является олицетворением «центрального предмета критики эпохи Просвещения — невежества ума и непросвещенности, в которой он в конце пути окажется» [4. С. 401]. У него теперь нет возможности никому навредить, ведь его настигла судьба Ярославны и Крунославы.

С орлами ассоциируется не только свет, но и тепло, потому что считается, что Бог согревает сердце птиц изнутри, и, таким образом, снег, зима, холод над ними не властны [4. С. 390]. Мухаммед в своей военной стратегии учитывает тяжелые климатические условия, но Вулкан его вразумляет следующим образом: «Мухамеде, мили мој! / познајеш ли Русе. / Не уздај се у себе, / ни у своје кљу-се. / Тај се зиме не боји, / ни снегова страши, / нити твојих јунака, / ни топова плаши. / На зими је он рођен / и у снегу купан / и сунцем је и мразом / од свуда пролупан. / Остао је ка' челик»¹⁷ [18. С. 27–28]. Римский бог огня сравнивает русских с хорошо выкованной саблей, которая прошла испытание огнем и холодом, и потому стала еще смертоноснее. Создается впечатление, что Россия в глазах Вулкана, как и Ахилл, представляется закаленной, героической и великой. Вдобавок надо учесть и фактор холода, ведь на поражение Османа, так же как и на его предка Сулеймана Великолепного, повлияло наступление зимы: «и Сулиман цар огњени, / кога је силом силу одбију / с польскијех краја мраз ледени»¹⁸ [5. С. 207]. У Гундулича полякам также помогла спастись зима, хотя свою роль сыграла и усталость войск, и недисциплинированность янычар [2. С. 360].

О силе и величии русских Мухаммеду говорили античные боги. Кроме похвал Вулкана, чувство восхищения и уважения выражали Нептун, Плутон, Эол, Юпитер, Минерва и нимфы. Мухаммед жаловался Нептуну, прося у него поддержки, однако бог моря ему напомнил, что «Хотин и Яссы» [18. С. 15] теперь принадлежат русским, как и Фокшани¹⁹: «Све узеше, то север, / у снаги жестоки»²⁰ [18. С. 15]. Плутон не одобряет поступки Мухаммеда, советует ему пойти

¹⁶ «Где ты, о солнце моих дней, / суженый, где ты, милый? [...] мне без тебя нет жизни, / если с тобой в мрачной темноте / не обитают мое сердце и душа».

¹⁷ «Милый мой Мухаммед, / знаешь ли ты русских. / Не доверяй себе, / но своему коню. / Он ни зимы не боится, / ни снега не страшится, / ни твоих героев, / ни гром пушек его не пугает. / Он родился зимой / и в снегу купался, / и солнце и мороз / его закалили. / Сделалась из него сталь».

¹⁸ «И Сулейман, царь огненный, / сила которого напоролась на силу / из польских краев мороза ледяного».

¹⁹ В сносках к эпической поэме Йован Раич приводит подробные исторические обстоятельства: «По узећу Хотина Аустријцима, принц Кобург с 20000 Аустришчев и генер[ал] Субаров [Суворов] с 7000 Руса при Фокшанах напали на логор турски о[д] 30000 Турака и Арнаута 31. јунија и саввим побили их и растерали и сав овоз придобили» («После того как Хотин взяли австрийцы, принц Кобург с 20000 австрийцев и генерал Суворов с 7000 русских под Фокшанами напали на турецкий лагерь, состоящий из 30000 турок и арнаутов. 31 июня они полностью их истребили и прогнали и весь обоз взяли») [18. С. 15].

²⁰ «Все прибрали, это север, / в силе своей жестокий».

на перемирие и высказывает недовольство по поводу его непослушных детей, склонных к конфликтам и в подземном царстве. Даже Эол, бог ветра, не желает причинить вред русским: «Не видиш ли ти звере / по мору летуће, / којим противити се / није ми могуће»²¹ [18. С. 19], упоминая «сражение между турками и русскими на воде – на реках и на Черном море» [4. С. 389]. В этом контексте надо воспринимать и «реформы русского флота во время Петра Великого. Война выигрывается не по прихоти Судьбы, и исход войны не зависит от воли богов или магических ритуалов, как это было в великих военных эпосах античной литературы, но решающий момент приписывается Рацио – разработке нового оружия, планированию военных стратегий» [4. С. 381]. Юпитер как верховное божество даже угрожает Мухаммеду и злится на него, напоминая, что орлы его птицы и находятся под его защитой: «Змај се ти називаш; / али у чије ти птице / тако дрско дираш? / Не знаш ли ти да су то / моје слуге верне, / моја снага и крепост / и силе ветрене? / Ја ти кажем, не дирај»²² [18. С. 20].

Вулкан в своей речи именует Потемкина как «солдата нетрудног»²³, а Суворова – как «јунака дивног»²⁴ [18. С. 28]. В эпической поэме храбрость и мужество русских иллюстрируются сербской народной пословицей: «Два лешника ораху / читава је војска»²⁵ [18. С. 28–29]. Даются «в паре» и Лаудон и Кобург и впоследствии Екатерина II и Иосиф II, так что в воображаемом плане Потемкин и Суворов представляют одного двуглавого орла, Лаудон и Кобург – второго, а русская императрица и австрийский царь – третьего, что подтверждают стихи: «У њима је дух један, / и срце једино»²⁶ [18. С. 29]. Наконец, и нимфы поют о славе русских, предрекая поражение Мухаммеду, если он отвергнет перемирие: «Рат ти водиш велики / с Руси и цесарци, / ми чујемо да су то велики јунаци»²⁷ [18. С. 30].

Ко всему этому можно присоединить и письмо Потемкина паше в Очакове с предложением сложить оружие и сдаться, «јербо Руси мирником, / кркачу не деру»²⁸ [18. С. 31]. Этот фрагмент эпической поэмы представляется особенно важным, потому что здесь говорится о мужестве русских и о политике перемирия. Еще в первой песне русский орел обращается к дракону, призывая отказаться от нападения ради подписания мирного договора в 1774 г.: «Јер смо се помирили, свак' своје узели, / свак' својим управљати / веће смо почели. / Шта сад опет наново / ти од мене тражиш? / Још те сврби кркача, / те ти мене дражиш»²⁹ [18. С. 10]. Тем самым Россия высказывалась против войны, потому что для государства важно установление мира – если Мухаммед «за шалу мир држи; / ал' се Рус не шали»³⁰ [18. С. 12].

В рамках словесного диалога, характерного для сербских эпических песен, дракон, отвечая орлу во второй песне, сетует на огромные территориальные потери, которые в очередной войне хочет возместить. Желая прибодрить

²¹ «Не видишь ли ты, зверь, / летящих по морю, / которым противиться / нам не возможно».

²² «Ты Змеем зовешься, / но чьих птиц ты / так дерзко трогаешь? / Не знаешь ли ты, что это / мои верные слуги, / моя сила и крепость / и силы ветра? / Я тебе говорю, не трогай их».

²³ «Солдата неутомимого».

²⁴ «Героя дивног».

²⁵ Букв. «Два фундука – / целое войско». Пословица означает, что в руках хорошего и умного военачальника вся армия может состоять из двух умелых и храбрых воинов, потому что качество важнее количества (как у спартанцев).

²⁶ «В них один дух / и одно сердце».

²⁷ «Войну ведешь ты великую / с русскими и царями, / мы слышали, что они великие герои».

²⁸ «Потому что русские мир принявших / по спине не бьют».

²⁹ Потому что мы помирились, каждый взял свое, / каждый своим управляет, / вече уже началось. / Что ты теперь опять / требуешь от меня? / У тебя все еще чешется спина, / поэтому ты меня вызываешь».

³⁰ «В мире игру видит, то русский не играет».

войско, Мухаммед называет русских разными уничижительными именами: «кад пред нама ђаур Рус / на колена падне [...] Видите ли ви сами, / какав је он акмак, / што наваљује на град, / кано један крмак»³¹ [18. С. 24–25]. Раич в сносках объясняет турцизмы, которыми описаны русские, представляющиеся османам безбожниками, безумцами и свиньями (нечистыми животными). Еще в старейшей огузской эпической поэме XV в. «Книга моего деда Коркута» мусульмане-огузы в Закавказье и Малой Азии называли «ђаурима» или «неверницами» трапезундских греков, грузин и абхазцев [9. С. 157]. Теми же именами турки называли православных сербов — что, скорее всего, и имел Раич в виду, — так что изображение русского орла иногда идентично представлению о сербском орле. Тем более, Белград и Херсон практически соединяются, как две головы орла: «Белиград се већ одсад / са Херсоном равна, / у којих тргови-на, / хоће бити равна; / један другом на руку / дават' што имаде / и што поље доноси, / и што земља кладе»³² [18. С. 67].

При помощи русизма «ребјата» поэт обращается к русскому войску во время сражения, которое для них обернется победой: «како ребјата Турком / ђинђерише браду»³³ [18. С. 34] и продолжает: «Деца руска жестока / навалише путо, / окваше до грла, / дахнути не даду»³⁴ [18. С. 84]. Показана молодость русских солдат в сопоставлении со старостью Мухаммеда, и это свидетельствует, что будущее за орлами, которые одни «ведают “умением” омолаживаться, потому что Бог греет их сердце изнутри, поэтому и старое тело чувствует себя молодым» [4. С. 390].

В конце концов Фавн сообщает Мухаммеду, что не нужно было воевать с «риђим родом»³⁵ [18. С. 82]; русские в эпической поэме также обозначаются как Север, «љут север»³⁶ с Черного моря, который «раздувао ожаковске стене»³⁷ [18. С. 36]. Север — не только метафора, связанная с географическим положением России, но и обозначение сильного и непобедимого ветра. Противник Севера Дракон также предстает в образе вихря, что указывает на «многозначное значение сокращенного слова [А]ала[x], которое, конечно, связывается с частым мотивом устной традиции — ала, змај, аждаја» [4. С. 393]. В некотором смысле Россия и Турция обладают определенными чертами демонологического персонажа «ала» (змея, дракона), но это надо понимать в контексте сказки, где причиной гибели змея становится другой змей [15. С. 276]. Поэтому Россия превращается в производимый змеем ветер, который в одиночку способен победить турецкого дракона.

Для архаического эпоса характерна установка на сражение «посланных богами героев с хтоническими чудовищами» [9. С. 119], но мотив змееборства присущ и англосаксонской эпической поэме о Беовульфе, и многим другим традициям, что создает один узнаваемый эпический топос [9. С. 132]. Ценные наблюдения, которые могут предоставить надежную основу для толкований змея у Раича, изложены в «Исторических корнях волшебной сказки» В.Я. Проппа (см. [15]) и исследованиях Б.Н. Путилова о русском и южнославянском эпосе (см. [17]), на которое опирается Е.М. Мелетинский: «В южнославянском и восточнославянском эпосе

³¹ «Когда перед нами безбожник русский / на колени упал [...] Видите ли вы сами, / какой он глупый, / нападающий на город, / как некий кабан».

³² «Белиград уже сейчас / Херсону равный, / в них торговля /будет такой же;/ будет один другому в руки / давать, что имеется / и что в поле производится / и что земля родит».

³³ «Как ребята турка / волокут за бороду».

³⁴ «Дети русские жестокие / навалились сильно, / дойдя до горла, / дышать не дают».

³⁵ «Рыжим народом».

³⁶ «Лютый север».

³⁷ «Раздул стены Ожакова (Очакова)».

огромное место занимает борьба с чудовищем-змеем [...] Сам В.Я. Пропп и вслед за ним Б.Н. Путилов убедительно демонстрируют трансформацию этих тем в процессе перехода [...] от “догосударственного” эпоса к “государственному”. Чудовища в славянской эпике сочетают в себе образы стихий, насильника-похитителя женщин и символ язычества, образ врага православной веры и родной земли» [9. С. 99–100]. Победой над змеем русские орлы, а они одной веры с сербскими, должны помочь сербскому орлу в обновлении и укреплении державы.

Несомненно, помощь ожидается от австрийских орлов, но часто встречающиеся призывы к русским генералам (Потемкину, Суворову, Румянцеву, Каменскому, Волконскому, Булгакову) и императрице Екатерине II, которую Раич ласково называет «силом, славном Катом»³⁸ [18. С. 34], подтверждают, что надежда на русского орла тоже крайне важна. После победы над турецким драконом звучит сербская молитва и благословление: «Нек' живи Катерина, / свој Русији дика! / Мухамеду дерному / нек се пуши кика! [...] Боже, ти на небеси, / сав труд њин наплати! Амин»³⁹ [18. С. 77–78]. Учитывая византийскую символику орла, который должен объединить мирское и духовное начала, очевидно, что австрийский орел выступает в роли исключительно политического союзника, в то время как русский синтезирует многочисленные варианты разных значений, несущих мифологические, архаические и духовные смыслы.

В новейших исследованиях русской темы в эпической поэме «Битва между драконом и орлами» Йована Раича отмечается, что автор учился и жил в Российской империи, анализируется его язык (соотношение сербского народного и русскославянского), характер стиха (польский тринадцатисложник) и многочисленные интертекстуальные связи с русской историей, культурой и литературой (как, в частности, это обозначила Мила Стойнич). В моем исследовании интертекстуальное поле расширено данными сравнительного анализа эпической поэмы Раича со «Словом о полку Игореве» и «Османом» Гундулича. Я акцентировала внимание на аллегорических и эмблематических представлениях о фауне (орлы, соколы, пантеры, волки) и о плече (Ярославны, Крунославы и Мухаммеда). Творческое воображение Йована Раича опирается на геральдику, мифологические и сказочные образцы, в результате чего особенно выражены аналогии с традицией эпоса как в его ранних, так и классических формах. Принимая во внимание византийские корни сербской и русской культур, важными представляются следы античной культуры, особенно если учитывать, что самые громкие прославления русских изрекают античные боги. Мухаммед именует русских «ђаурима»⁴⁰, «акмакцима»⁴¹ и «крмцима»⁴², подобным образом обозначается и весь остальной для него иноверный мир. В эпической поэме русские также названы и «риђим родом»⁴³, вечно молодыми борцами («ребјата»), Севером и северным ветром, а также косвенно и драконом «ала», который в одиночку может победить турецкого змея. И, наконец, в похвалах Екатерине II и ее генералам, в обращенных к ним молитвах ощущается надежда, что сербский народ вновь обретет свою державность. Йован Раич в русских видел братский народ, на что указывает также сближение городов Белград и Херсон.

Перевод Лазаря Миленгевича

³⁸ «Сильной, славной Катей».

³⁹ «Пусть живет Екатерина, / краса России! / У Мухаммеда проклятого / пусть волосы встают дыбом [...] Боже, ты на небесах, / рассуди по заслугам! Аминь».

⁴⁰ Гяур, презрительное название немусульман у турок.

⁴¹ Тур. разг. «глупый, недальновидный человек».

⁴² Устар., «свиньями».

⁴³ См. примечание 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бојовић З. Историја дубровачке књижевности. Београд: Српска књижевна задруга, 2014. С. 1–525.
2. Бојовић З. Руске теме у «Осману» Џива Гундулића // Славистика. 2009. № 13. С. 358–364.
3. Војиновић С. Хронологија живота и рада Јована Рајића // Јован Рајић / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 7–27.
4. Грбић Д. Алгоритмије ученог пустинољубитеља. Поступак алегоризације у опусу Јована Рајића. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2010. С. 1–516.
5. Гундулић Џ. Изабрана дела. Антологијска едиција Десет векова српске књижевности / прир. З. Бојовић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2014. С. 1–375.
6. Елијаде М. Свето и профано / прев. З. Стојановић. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића. 2003. С. 1–223.
7. Ерчић Б. О поезми Јована Раића «Бой змея с орлами» // Русско-сербские литературные связи: XVIII – начала XIX века / ред. Ю. Беляева. М.: Наука, 1989. С. 56–63.
8. Лазаревић ди Ђакомо П. Орао – једноглави, двоглави, троглави. Конфигурације «краља птица» с обе стране Јадрана // Птице: књижевност, култура / ур. Д. Бошковић, М. Детелић. Крагујевац: Лицеум, 2011. С. 203–217.
9. Мелетинский Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. С. 1–320.
10. Остојић Т. Поезија руске школе // Од барока до класицизма / прир. М. Павић. Београд: Нолит, 1966. С. 47–48.
11. Павић М. Историја српске књижевности барокног доба: XVII и XVIII век. Београд: Нолит, 1970. С. 1–527.
12. Пантвић М. Јован Рајић и Дубровник // Јован Рајић: историчар, песник и црквени великодостојник / ур. Ј. Попов, Д. Медаковић, Б. Ковачек. Нови Сад: САНУ – Епархија Бачка – Платонеум – Архив Војводине. 2002. С. 41–63.
13. Покрајац Г. «Осман» Џива Гундулића и антика: поетичке основе и реминесценције // Књижевност и језик. 2002. Год. 49. Бр. 3/ 4. С. 281–288.
14. Поповић Т. О неким структурним и стилским одликама Рајићевог спева «Бой змаја с орлови» // Јован Рајић / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 161–166.
15. Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки / перев. М. Косанович и Б. Косанович. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. С. 1–466.
16. Псеудо-Хомер. Жаба и мишева љути бој / прев. Д. Ацовић. Београд: Букефал, 2016. С. 1–41.
17. Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос. М.: Наука, 1971. С. 1–316.
18. Рајић Ј. Бој змаја са орлови // Службени гласник / прир. М.Д. Стефановић. Београд: Службени гласник, 2008. С. 1–126.
19. Слово о полку Игореве / АН СССР; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.– С. 482–483.
20. Стојанчевић В. Рајићев спев «Бой змаја с орлови» као историјски извор // Јован Рајић / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 155–160.
21. Стојинић М. Словенска предисторија у Историји Јована Рајића и Николаја Михаиловича Карамзина // Јован Рајић / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 87–93.
22. Стојинић М. Преплитање неколико поетика у поезији Јована Рајића // Јован Рајић: историчар, песник и црквени великодостојник / ур. Ч. Попов, Д. Медаковић, Б. Ковачек. Нови Сад: САНУ – Епархија Бачка – Платонеум – Архив Војводине. 2002. С. 29–39.
23. Терзић Б. Један поглед на руски књижевни језик у делима Захарије Орфелина и Јована Рајића // Јован Рајић / ур. М. Фрајнд. Београд: Институт за књижевност и уметност, 1997. С. 141–147.
24. Тимотијевић М. Српско барокно сликарство // Нови Сад: Матица српска, 1996. С. 1–512.
25. Чубриловић В. Југословенске земље и Русија у XVIII веку., Београд: САНУ: Одељење историјских наука, 1986. С. 1–341.

REFERENCES

- Bojović Z. *Istorija dubrovačke književnosti*. Beograd, Srpska književna zadruga Publ., 2014, p. 1–525. (In Serb.)
- Bojović Z. Ruske teme u Osmanu Dživa Gundulića. *Slavistika*, 2009, no. 13, pp. 358–364. (In Serb.)

- Čubrilović V. Jugoslovenske zemlje i Rusija u XVIII veku. Beograd, SANU: Odeljenje istorijskih nauka, 1986, pp. 1–341. (In Serb.)
- Elijađ M. *Sveto i profane*, prev. Z. Stojanović. Sremski Karlovci; Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića Publ., 2003, pp. 1–223. (In Serb.)
- Erchich B. O poeme Iovana Raicha «Boi zmeya s orlami». *Russko-serbskie literaturnye svyazi: XVIII – nachala XIX veka*, red. Yu. Belyaeva, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 56–63. (In Russ.)
- Grbić D. *Alegorije učenog pustinjaubitelja. Postupak alegorizacije u opusu Jovana Rajića*. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 2010, pp. 1–516. (In Serb.)
- Gundulić Dž. *Izabrana dela. Antologijska edicija Deset vekova srpske književnosti*, red. Z. Bojović. Novi Sad, Izdavački centar Matice srpske Publ., 2014, pp. 1–375. (In Serb.)
- Lazarević di Đakomo P. Orao – jednoglavi, dvoglavi, troglavi. Konfiguracije «kralja ptica» s obe strane Jadrana. *Ptice: književnost, kultura*, red. D. Bošković, M. Detelić. Kragujevac, Liceum Publ., 2011, pp. 203–217. (In Serb.)
- Meletinskii E. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 1–320. (In Russ.)
- Ostojić T. Poezija ruske škole. *Od baroka do klasicizma*, red. M. Pavić. Beograd, Nolit Publ., 1966, pp. 47–48. (In Serb.)
- Pantić M. Jovan Rajić i Dubrovnik. *Jovan Rajić: istoričar, pesnik i crkveni velikodostojnik*, red. J. Popov, D. Medaković, B. Kovaček. Novi Sad, SANU – Eparhija Bačka – Platoneum – Arhiv Vojvodine, 2002, pp. 41–63. (In Serb.)
- Pavić M. *Istorija srpske književnosti baroknog doba: XVII i XVIII vek*. Beograd, Nolit Publ., 1970, pp. 1–527. (In Serb.)
- Pokrajac G. Osman Dživa Gundulića i antika: poetičke osnove i reminiscencije. *Književnost i jezik*, 2002, god. 49, br. 3/4, pp. 281–288. (In Serb.)
- Popović T. O nekim strukturnim i stilskim odlikama Rajićevog speva Boj zmaja s orlovi. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 161–166. (In Serb.)
- Prop V.J. Istorijски koreni čarobne bajke, prev. M. Kosanović i B. Kosanović. Sremski Karlovci, Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića Publ., 2013, pp. 1–466. (In Serb.)
- Pseudo-Homer. Žaba i miševa ljuti boj, prev. D. Acović. Beograd, Bukfal Publ., 2016, pp. 1–41. (In Serb.)
- Putilov B.N. Russkii i yuzhnoslavyanskii geroicheski epos. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 1–316. (In Russ.)
- Rajić J. Boj zmaja sa orlovi, red. M.D. Stefanović. *Službeni glasnik*. Beograd, Службени гласник, 2008, pp. 1–126. (In Serb.)
- Slovo o polku Igoreve*, red. D.S. Likhacheva. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950, pp. 482–483. (In Russ.)
- Stojančević V. Rajićev spev Boj zmaja s orlovi kao istorijski izvor. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 155–160. (In Serb.)
- Stojnić M. Slovenska predistorija u Istoriji Jovana Rajića i Nikolaja Mihailoviča Karamzina. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 87–93. (In Serb.)
- Stojnić M. Preplitanje nekoliko poetika u poeziji Jovana Rajića. *Jovan Rajić: istoričar, pesnik i crkveni velikodostojnik*, red. Č. Popov, D. Medaković, B. Kovaček. Novi Sad, SANU – Eparhija Bačka – Platoneum – Arhiv Vojvodine, 2002, pp. 29–39. (In Serb.)
- Terzić B. Jedan pogled na ruski književni jezik u delima Zaharije Orfelina i Jovana Rajića. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 141–147. (In Serb.)
- Timotijević M. Srpsko barokno slikarstvo. Novi Sad, Matica srpska, 1996, pp. 1–512. (In Serb.)
- Vojinović S. Hronologija života i rada Jovana Rajića. *Jovan Rajić*, red. M. Frajnd. Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 1997, pp. 7–27. (In Serb.)

Информация об авторе:

Маричевич Балач Елена,
доктор филологических наук, доцент
Университета в Нови-Саде
г. Нови-Сад, Сербия.
ORCID: 0000-0002-9590-0305
E-mail: jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

Information about the author:

Marićević Balać Jelena,
Ph D. (Philology), assistant professor,
University of Novi Sad,
Novi Sad, Serbia.
ORCID: 0000-0002-9590-0305
E-mail: jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs